

The image is a book cover for 'The Magic World' by Victoria Andreanova. It depicts a young girl and an elderly woman in a library. The girl, on the left, is wearing a light-colored dress and is looking down at an open book she is holding. The woman, on the right, is wearing a grey blazer over a dark top and glasses, and is also looking at an open book. They are standing in a narrow aisle between tall wooden bookshelves filled with books. A sign on the wall behind them reads 'Лейсненя овъяки оупта' in a stylized font. The lighting is warm and focused on the two characters.

Виктория Андреанова

Лейсненя
овъяки
оупта

Волшебный мир

Виктория Андреанова

Волшебный мир

«Автор»

2026

Андреанова В.

Волшебный мир / В. Андреанова — «Автор», 2026

В городе, где желания плетут судьбу, Лира ищет пропавшую сестру Миру. Раскрывая тайны архивов Совета, она узнаёт о заговоре: кто-то блокирует «сияние грёз», стирая мечты и людей. С помощью узелковой магии, дневника прабабушки и верных союзников Лира бросает вызов системе. Но враг хитер — он часть самой структуры власти, и победа грозит разрушить хрупкий баланс города.

© Андреанова В., 2026

© Автор, 2026

Виктория Андреанова

Волшебный мир

Ниже — полный текст романа с первой главы до последней, но теперь с сильным акцентом на магию и городскую ткань: город тут не просто фон, а живой участник истории — в его стенах живёт «сияние грёз», в переулках прячутся магические узлы, а бюрократия Совета — это тоже особая форма заклинаний, скреплённых печатями и ритуалами.

Глава 1. «Рынок, где шепчут желания»

Город назывался Велеград, и его магия была не в башнях и не в молниях, а в мелочах: в том, как свет ложится на мокрые камни, как ветер приносит запах дождя за пять минут до ливня, как в витринах отражаются не только прохожие, но и их невысказанные желания.

Лира знала этот город по теням. Она знала, где в полдень тень ложится буквой «Г» — это означало, что в подвале скрыт узел узелковой магии. Она знала переулки, где желания исполняются криво: попроси «чтобы не опоздать» — и трамвай приедет, но ты забудешь сумку.

Сегодня Лира была разносчицей — серая куртка, капюшон, корзина с булочками, которые она не собиралась продавать. Рынок жил своим шумом: крики, звон монет, запах пряностей и горячего хлеба. Но Лира слушала не слова — она слушала воздух.

В городе «сияние грёз» жило в почве, воде и воздухе, но в последнее время оно тускло. Сначала Лира заметила это по цветам: в её дворе герань перестала пахнуть. Потом — по желаниям: соседка попросила «хоть немного покоя», и в доме на три дня пропали все звуки, даже шаги. А потом пропала Мира, её младшая сестра.

«Я хочу, чтобы мама перестала плакать», — сказала Мира. И исчезла.

Лира искала следы. И сегодня она их услышала.

Две фигуры в тёмно-зелёных мантиях стояли у лотка с травами. Их голоса звучали тихо, но в них чувствовалась уверенность людей, которые привыкли отдавать приказы.

— Корни уже слабеют, — прошептала одна, проводя пальцем по краю мешочка с сушёными листьями. — Ещё три дня, и можно будет начинать.

— А если Совет узнает? — вторая нервно оглянулась.

— Совет ничего не сделает. У нас есть доступ к реестру. Мы сами будем решать, какие желания исполнять, а какие — нет.

Лира замерла, боясь даже дышать. «Доступ к реестру» — это означало, что они могут управлять потоком «сияния грёз». Она потянулась к мешочку на поясе, чтобы достать блокнот, но случайно задела локоть торговца. Тот выругался, и обе ведьмы резко повернулись в её сторону.

Сердце Лир подпрыгнуло к горлу. Сейчас её разоблачат, и тогда...

— Эй, ты! — крикнул торговец. — Если разносишь, разноси, а не стой столбом!

Она уже открыла рот, чтобы что-то сказать, когда чья-то рука мягко потянула её за рукав.

— Пойдём, — тихо произнёс незнакомец в простой серой мантии. — Тут не место для разговоров.

Они свернули в узкий переулок, и только там Лира смогла выдохнуть.

— Кто ты? — прошептала она.

— Тот, кто знает, что ты искала, — ответил он, глядя ей прямо в глаза. — И тот, кто может помочь... но не бесплатно.

На его груди тускло поблёскивал медный медальон — точно такой же, какой она заметила у одной из ведьм.

Лира коснулась его — и медальон отозвался лёгким теплом, будто узнал её.

— Он привязан к роду, — сказал незнакомец, не убирая руку. — Ты Лира из рода Хранителей?

— Да, — выдохнула она.

— Тогда ты должна знать: этот медальон открывает доступ к закрытым архивам. Но чтобы им воспользоваться, нужно пройти проверку Совета. А Совет не любит торопливых.

Лира сжала кулаки.

— Мне не нужно разрешение, чтобы спасти сестру.

— Тебе нужно разрешение, чтобы не погибнуть, — спокойно ответил он. — Меня зовут Каэрон. Я архивариус. И я знаю, где искать ответы. Но сначала ты должна понять: магия в этом городе — это не только слова и жесты. Это правила, печати, подписи. И если ты нарушишь одно правило, город сам тебя остановит.

Лира посмотрела на медальон, который теперь светился чуть ярче.

— Покажи мне, как не погибнуть.

Каэрон кивнул.

— Тогда слушай. В Велеграде каждое заклинание — это договор. Договор с городом, с источником, с самим собой. И если ты хочешь победить тех, кто сушит корни, ты должна научиться говорить на языке договоров.

****Магия в главе:**** узелковая магия (пока как намёк), «сияние грёз» как ресурс, городские узлы, искажённые желания, медальон как ключ-артефакт.

Глава 1. «Рынок, где шепчут желания» (продолжение)

Лира стояла в переулке, прижавшись спиной к шершавой стене, и пыталась унять дрожь. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди и убежать само по себе. Каэрон смотрел на неё спокойно, будто каждый день вытаскивал из-под носа ведьм перепуганных девчонок.

— Дыши, — тихо сказал он. — Не глубоко, а ровно. В этом городе магия чувствует панику как запах. Если ты будешь пахнуть страхом, тебя найдут.

Лира сжала ленту сестры — тонкую полоску тёмно-синей ткани, которую Мира всегда повязывала на запястье, когда ей становилось страшно. Теперь она носила её сама.

— Ты знаешь, кто я, — прошептала Лира. — Но откуда?

Каэрон чуть наклонил голову, и в полумраке переулка его лицо на миг показалось старше, чем было.

— Я архивариус. Я знаю всех, кто связан с Источником. А ты — из рода Хранителей. Это видно не по фамилии, а по тому, как город на тебя реагирует.

— Как?

— Смотри.

Он протянул руку и коснулся кирпичной стены. Лира ожидала, что ничего не произойдёт, но вдруг между камнями вспыхнули тонкие линии — будто трещины, заполненные тусклым светом. Они складывались в узор, похожий на сеть корней.

— Это узлы узелковой магии, — пояснил Каэрон. — Они держат город. Каждый узел — это договор: «мы даём тебе тень, ты не трогаешь наши корни». У тех, кто связан с Источником, есть ключ к этим узорам.

Лира невольно потянулась к стене, и линии на секунду стали ярче, словно отозвались.

— Он узнал тебя, — кивнул Каэрон.

— Значит, медальон... он не просто ключ к архивам?

— Он — часть узора. И он реагирует только на своего владельца. Те ведьмы, которых ты слышала, либо нашли способ подделать его, либо украли копию. Но копия не будет светиться для тебя так, как сейчас.

Медальон на его груди снова чуть потеплел, будто подтверждая его слова.

Лира глубоко вздохнула, стараясь собрать мысли в кучу.

— Мне нужно найти сестру. Мира сказала: «Я хочу, чтобы мама перестала плакать». И исчезла. Это ведь не просто желание, да? Это как-то связано с Источником?

Каэрон помолчал, будто взвешивая, сколько можно сказать.

— В Велеграде желания — это не просто слова. Это сделки. Когда ты загадываешь, ты берёшь немного «сияния грёз» из общего потока. Обычно это безопасно. Но если желание слишком сильное или сформулировано неудачно, оно может зацепиться за узел и потянуть за собой того, кто его загадал.

— То есть её не украли? Её... затащило?

— Скорее всего, да. И если «сияние грёз» слабеет, такие случаи становятся чаще. Город теряет равновесие.

Ли́ра почувствовала, как внутри поднимается злость — холодная, острая, которая прогоняет страх.

— Тогда я должна это исправить.

Каэрон снова посмотрел на неё внимательно, будто видел не испуганную девчонку, а кого-то другого.

— Ты можешь. Но не в одиночку. И не по правилам Совета.

— А как?

— Через лазейки. У любого договора есть лазейка, если знать, где искать. В архивах есть записи о старых путях к Источнику. Но чтобы их получить, нужно пройти проверку.

— Ту самую, раз в год?

— Да. Но есть и другой способ. Договор, который ты можешь заключить прямо сейчас.

Ли́ра нахмурилась.

— Какой договор?

— Ты помогаешь мне с одним делом в архивах — там, где не любят появляться официальные лица. А я помогаю тебе найти зацепку о Мире. Не гарантию, не обещание, а зацепку.

Ли́ра хотела сразу согласиться, но вспомнила предупреждение из дневника прабабушки, который она листала ещё дома: «Не доверяй тем, кто слишком охотно помогает».

— Почему ты хочешь помочь?

Каэрон едва заметно улыбнулся — не весело, а скорее устало.

— Потому что я тоже видел, как слабеет «сияние». И потому что если Совет будет и дальше прятать голову в правила, город начнёт рассыпаться. А я люблю этот город. Даже когда он неудобный.

Лира посмотрела на медальон, потом на узор на стене, потом снова на Каэрона.

— Хорошо. Я помогу. Но если ты обманешь меня — я найду способ, чтобы город запомнил твоё имя навсегда.

Каэрон кивнул, будто это было вполне разумное условие.

— Принимаю. Тогда идём. И постарайся не смотреть на тени слишком долго. В некоторых переулках они умеют запоминать лица.

Они вышли из переулка и снова оказались на шумном рынке, но теперь Лира видела его иначе. Она замечала, как тени ложатся не просто пятнами, а узорами; как над некоторыми прилавками воздух чуть дрожит, будто там висит невидимая печать; как у лотка с травами, где стояли ведьмы в зелёных мантиях, земля была чуть темнее, чем вокруг — будто корни под ней уже начали усыхать.

Одна из ведьм подняла голову, будто почувствовала чей-то взгляд. Лира инстинктивно натянула капюшон ниже и уткнулась в свою корзину, делая вид, что поправляет булочки. Ведьма прищурилась, скользнула взглядом по рядам — и, не найдя ничего подозрительного, отвернулась.

— Видела? — тихо шепнул Каэрон, не замедляя шага. — Они проверяют. И если ты будешь выделяться, они заметят.

— А если я не буду выделяться, я ничего не узнаю.

— Поэтому мы будем искать там, где они не ждут. Там, где город говорит тише.

Они свернули с главной улицы в узкий проход между домами. Здесь пахло мокрым камнем и чем-то горьким, как будто кто-то недавно жег травы. Лира заметила на стене ещё один узор — не такой, как в переулке, а более сложный, с петлями и завитками.

— Узелковая магия, — прошептал Каэрон. — Это старый охранный узел. Он не пускает тех, у кого злые намерения. Но ты прошла. Значит, твоё намерение... не злое.

Лира покачала головой.

— Моё намерение — вернуть сестру. Оно просто... очень сильное.

— Вот это и опасно, — серьёзно сказал Каэрон. — Сильные намерения могут ломать узлы. А сломанный узел — это трещина в городе.

Лира остановилась.

— То есть я могу навредить, пытаюсь помочь?

— Можешь. Поэтому мы не будем ломать. Мы будем распутывать.

Он коснулся узора, и линии чуть дрогнули, будто вздохнули.

— Видишь? Узел можно не сломать, а попросить открыться. Для этого нужно не «хочу», а «пожалуйста». Не приказ, а просьба.

Лира осторожно протянула руку и тихо сказала:

— Пожалуйста, пропусти нас. Мы не хотим навредить. Мы хотим помочь.

Узор на мгновение вспыхнул мягким светом и расступился, открывая проход в тёмный коридор, которого раньше здесь не было.

— Так и работает узелковая магия, — кивнул Каэрон. — Она не любит спешки и силы. Она любит уважение.

Они шагнули внутрь, и коридор мягко сомкнулся за их спинами, скрывая их от рынка, от ведьм и от всех, кто мог бы их искать.

****Магия в продолжении:****

* **Узелковая магия как диалог:** узлы не ломаются силой — их просят открыться, и они реагируют на искренность и формулировки.

* **Город как живой:** тени запоминают лица, узоры чувствуют намерения, сломанный узел может стать трещиной в самом городе.

* **Желания как сделки:** каждое желание забирает немного «сияния грёз», и неудачная формулировка может затянуть человека в магический узел.

* **Медальон как часть узора:** он не просто артефакт, а фрагмент городской сети, который отзывается на владельца.

Глава 2. «Зал, где правят печати»

Зал Совета Ведьм был построен так, чтобы подавлять. Высокие потолки, ряды кресел, холодный камень, который будто впитывал тепло. В центре — стол, за которым сидели семь ведьм, и перед каждым креслом — стопка бумаг, скреплённая печатями.

Лира стояла перед ними, чувствуя, как мантия становится слишком тяжёлой. Она пришла официально: с заявкой, подписями, описанием цели. Но она знала: в этом зале важны не цели, а формулировки.

Старшая Ведьма постучала пальцем по бумаге.

— Цвет мантии не соответствует регламенту.

— Но я не претендую на звание, — сказала Лира. — Я прошу доступ к архивам, чтобы найти информацию о «сиянии грёз».

— Доступ к архивам предоставляется только тем, кто прошёл проверку намерений.

— Я готова.

— Проверка проводится раз в год. Следующий набор — через восемь месяцев.

Лира почувствовала, как внутри всё сжимается. Восемь месяцев. За это время корни могут высохнуть окончательно.

Ведьма слева наклонила голову.

— Ты просишь нарушить правила. Почему мы должны это делать?

— Потому что правила созданы, чтобы защищать магию, а сейчас магия умирает.

Старшая Ведьма холодно улыбнулась.

— Магия умирает, когда ею пользуются без контроля. Мы контролируем. Это наша работа.

Лира хотела закричать, но вспомнила слова Каэрона: «В этом городе магия — это договоры».

— Тогда дайте мне договор, — сказала она. — Пусть это будет испытание: я найду доказательство угрозы и принесу его вам. И тогда вы дадите мне доступ.

Старшая Ведьма подняла бровь.

— Договор? Ты предлагаешь сделку?

— Да.

— Хорошо. Пусть будет так. Ты приносишь нам доказательство, заверенное печатью архивариуса. И тогда мы рассмотрим твою просьбу.

Лира кивнула, хотя внутри всё кричало: «Это ловушка!» Но это был хотя бы путь.

Когда она вышла, Каэрон ждал её у двери.

— Ты заключила договор, — тихо сказал он. — Это хорошо. Но теперь ты обязана его выполнить. В этом городе договор — это заклинание. Если ты его нарушишь, город тебя накажет.

— Как?

— По-разному. Может, желание, которое ты загадаешь, исполнится наоборот. Может, тень перестанет тебя слушаться. А может, город просто перестанет замечать тебя.

Лира сжала ленту сестры.

— Тогда я не нарушу.

****Магия в главе:**** магия как система договоров и правил, печати как заклинания, бюрократия как форма контроля над магией, угроза «наказания города».

Глава 2. «Зал, где правят печати» (продолжение)

Лира шла по коридору к Залу Совета, и каждый её шаг отдавался в груди глухим стуком — будто не каблуки били по камню, а само сердце пыталось напомнить: «Ты не должна здесь быть». Стены были холодными, но не просто от сырости — от магии, которая годами впитывалась в камень. Лира чувствовала это кожей: воздух здесь был гуще, чем на рынке, и в нём висел едва уловимый привкус воска и чернил — запах печатей.

Каэрон шёл чуть позади, не пытаясь её подбодрить. Он знал: в этом месте любые слова звучат как ложь, если ты не уверен в них до конца.

— Помни, — тихо сказал он, когда они подошли к высоким двустворчатым дверям. — Здесь не ценят смелость. Здесь ценят формулировки.

Двери распахнулись сами, будто их тянули изнутри невидимые нити. В зале было тихо — такая тишина, в которой слышно, как перо царапает бумагу. Семь ведьм сидели за длинным столом, перед каждой — стопка документов, скреплённых печатями разных цветов. Лира знала: цвет печати — это не украшение, а уровень доступа. Тёмно-зелёная — контроль намерений. Серая — наблюдение. Красная — запрет.

Старшая Ведьма подняла взгляд. Её глаза были спокойными, почти равнодушными — такими, какими бывают глаза человека, который тысячу раз видел, как рушатся чужие надежды.

— Ты просишь доступ к архивам, — произнесла она, и голос её звучал ровно, без интонаций, будто она читала строчку из реестра. — Но у тебя нет ни поручителя, ни стажа, ни даже подходящей мантии.

Лира сжала кулаки, но заставила себя разжать пальцы. Каэрон был прав: здесь сила — не в сжатых кулаках. Сила — в словах.

— Я прошу не ради себя, — сказала Лира, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я прошу ради города. «Сияние грёз» слабеет. Желания исполняются криво. Люди страдают. Моя сестра... она исчезла, потому что желание зацепилось за узел. Я должна это исправить.

Ведьма слева — та самая, в тёмно-зелёной мантии, которую Лира видела на рынке, — чуть наклонила голову.

— Исправить? Или сломать правила, которые держат город на месте? Мы не позволяем каждому, у кого болит сердце, рыться в наших архивах. Архивы — это не библиотека, девочка. Это хранилище договоров. Одно неверное движение — и ты разорвёшь чью-то сделку. А разорванный договор — это трещина в реальности.

Лира почувствовала, как внутри поднимается жар — не от страха, а от злости. Но она не дала ей вырваться наружу. Вместо этого она вспомнила слова Каэрона про узелковую магию: не ломай, а распутывай. Не кричи, а проси.

— Тогда дайте мне договор, — сказала она, глядя прямо на Старшую Ведьму. — Пусть это будет испытание. Я найду доказательство угрозы и принесу его вам. И тогда вы дадите мне доступ.

В зале повисла тишина. Ведьмы переглянулись — не словами, а быстрыми взглядами, которые Лира успела заметить ещё на рынке: так люди, давно работающие вместе, понимают друг друга без лишних фраз.

Старшая Ведьма постучала пальцем по краю стола. Этот стук прозвучал как печать, поставленная на невидимом документе.

— Хорошо, — сказала она. — Ты заключаешь договор. Ты приносишь нам доказательство, заверенное печатью архивариуса. И тогда мы рассмотрим твою просьбу.

Лира хотела выдохнуть с облегчением, но вовремя вспомнила: в этом городе договор — это заклинание. Если ты его нарушишь, город тебя накажет.

— Принято, — сказала она.

— И ещё, — добавила Старшая Ведьма, чуть наклонив голову. — Ты не будешь действовать в одиночку. Мы назначим тебе куратора.

Лира похолодела. Куратор — это тот, кто будет следить за каждым её шагом, докладывать о каждой ошибке.

— Кто?

Ведьма кивнула в сторону двери, и Лира обернулась. Рядом с Каэроном стояла невысокая женщина в серой мантии — та, что всегда держалась чуть в стороне, будто не хотела привлекать к себе внимания. Её звали Мара, и она была одной из тех, кто проверял печати на документах.

— Мара будет твоим куратором, — сказала Старшая Ведьма. — Она знает, как работают договоры. И она проследит, чтобы ты их не нарушила.

Мара не улыбнулась, но и не нахмурилась. Она просто смотрела на Лиру так, будто уже видела все её ошибки — и те, что она совершит, и те, что уже совершила.

— Пойдём, — сказала Мара, не дожидаясь ответа. — У нас мало времени. Договор начинает действовать с момента подписания.

Они вышли из зала, и двери за ними закрылись с тихим, но отчётливым щелчком — как будто кто-то поставил невидимую печать на саму Лиру.

Коридор договоров

Коридоры Совета были устроены хитро: они меняли направление, если ты шёл с неправильным намерением. Лира заметила это сразу — стоило ей подумать: «Я должна доказать им, что я права», как коридор начал сужаться, а воздух стал тяжелее.

— Не торопись, — тихо сказала Мара. — Здесь нельзя спешить. Здесь нельзя злиться. Здесь можно только идти и слушать.

— Слушать что?

— Город.

Лира остановилась и закрыла глаза. Сначала она не слышала ничего, кроме собственного дыхания. Потом — тихий шёпот, похожий на скрип старых страниц. Потом — едва уловимый ритм, будто под полом билось чьё-то сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.